
II. ОБЗОРЫ

ОКСАНА ЯКИМЕНКО

ПУШКИН КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТА

О книге Жофии Калавски «Тотальный Пушкин:
Популярные жанры в формировании культа Пушкина»

Монография Жофии Калавски,¹ научного сотрудника Научно-исследовательского центра гуманитарных наук Института литературоведения Венгерской Академии наук (с 1 августа 2025 года административно относится к Исследовательскому центру гуманитарных наук при Будапештском университете им. Лоранда Этвеша — ELTE НТК), автора множества работ о русской литературе и культуре, и в частности о пушкинских текстах, мотивах и аллюзиях в литературе и, шире, русской и европейской культуре,² посвящена анализу первых ста лет формирования и развития культа Пушкина в России. По словам автора, «исследование осуществляется в рамках соционарратологического подхода, предполагающего рассмотрение культурных и социальных механизмов, обуславливающих нарративное конструирование образа поэта в общественном сознании. В центре внимания — феномен литературного культа в его временном, пространственном и социальном измерении».³

Для своего исследования Калавски собрала обширный материал, связанный с культом Пушкина, который формировался на протяжении ста лет с момента смерти поэта. Культ этот автор рассматривает как многоуровневое (стратифицированное) явление (пользуясь терминологией венгерского литературоведа Мартона Силади) и приме-

¹ *Kalavszky Z. A totális Puskin: Populáris műfajok a Puskin-kultuszban, 1837–1937. Budapest, 2024. 398 s.*

² См., например: *Калавски Ж.* 1) Равнодушная природа как пушкинский мотив в романе Сергея Довлатова «Заповедник» // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae.*, Budapest, 2011. Т. 56. № 2. S. 391–408; 2) Главы из пушкинского романа. «Последний текст» и «Шпага щекотливого дворянина» Андрея Битова — культовые механизмы и поэтика текста // *Studia Litterarum.* 2017. Т. 2. № 3. С. 150–165 и т. д.

³ *Kalavszky Z. A totális Puskin. S. 24.*

няет в своем исследовании различные теории анализа литературного культа (Мишель Фуко, Пьер Нора, Петер Давидхази, Юрий Лотман, Борис Дубин и др.). В фокусе исследования оказываются как обстоятельства, причины и специфика возникновения культа Пушкина при его жизни и непосредственно после смерти, так и трансформации культа в первой трети XX века.

Отметим, что вопрос о литературном культе вообще не чужд венгерской культуре. Наличие собственного национального поэта, Шандора Петефи, ставшего объектом сравнимого с пушкинским (хотя и, безусловно, во многом совершенно иного) культа, и исследований этого феномена на венгерском материале (см., к примеру, работы одного из «отцов-основателей исследований в области венгерских литературных культов» Иштвана Маргочи) делает труд Калавски в равной степени важным как для международной пушкинистики, так и конкретно для венгерского литературоведения.

В данном исследовании используются концепции городского фольклора (Александр Белоусов) и литературного быта (Юрий Тынянов). Исходя из них постулируется, что неофициальные (заимствованные из популярной культуры и фольклора) культовые практики в пушкинском культе XIX века превращают в «факт культа», например, *анекдот* (в более широком смысле — анекдотические жанры и способы выражения) и *некролог* (шире говоря — формы и способы выражения, напоминающие жанры агиографии или светского портрета). В исследовании рассматриваются жанры, произведения, адресаты, техники передачи традиции и формы ее воспроизведения. В качестве первичных источников указаны произведения самого Пушкина (главным образом — в венгерских переводах, что немаловажно, с учетом ориентированности монографии не только на узкоспециальную, но и на более широкую читательскую аудиторию), сборники анекдотов, изданные в различные периоды, газетные и журнальные публикации (данный раздел, вероятно, мог бы быть и обширнее, но, с учетом современной ситуации, может считаться достаточно репрезентативным), а также произведения Михаила Зощенко и Даниила Хармса. Библиография работ чрезвычайно богата (если добавить к списку источников «второго порядка» все, так или иначе упомянутые работы, получится внушительный и довольно полный корпус литературы о Пушкине и обо всем, что так или иначе связано с его культом).

Поскольку книга изначально ориентирована не на русскую, но на более широкую, в первую очередь венгерскую, публику, автор в первом разделе «вводит» читателя в курс дела, предлагая в трех главах («Поэт», «Памятник» и «Народ») ознакомиться непосред-

ственно с героем / предметом культа в контексте эпохи, окружения, оценки и восприятия обществом и критиками при жизни и после нее. На наш взгляд, из этих глав можно получить достаточно внятное представление о Пушкине как культурном и историческом явлении, о его месте в русской культуре и, в целом, о ситуации, сложившейся в русской литературе и культурной истории в XIX веке. Одна из целей раздела — показать, что культ Пушкина, начиная с момента смерти в 1837 году, определялся далеко не гомогенным образом поэта, сложившимся еще при его жизни. Автор прослеживает постоянное соперничество и сосуществование двух модальностей в восприятии образа Пушкина. Одна видит в нем, скорее, героя и святого, приближая посвященный ему дискурс к жанрам хвалебного некролога или даже жития, другая тяготеет к анекдоту, выводя поэта скорее в шутовской роли.

В доступной и одновременно научно убедительной форме Кавлавики в этом разделе показывает, какие черты творчества и личности Пушкина — при жизни поэта и особенно после его смерти — способствовали превращению его в поистине культовую фигуру, как поэт, признанный в аристократических кругах, обрел известность и популярность в народе (глава «Народ»). В разделе выделены и проанализированы те произведения Пушкина и те, связанные с ними ситуации, которые впоследствии послужили ключевыми точками интерпретации фигуры поэта и его текстов. К таким точкам отнесены ранние лицейские стихи и вопрос репутации; поэма «Руслан и Людмила», которая была истолкована как социальный, нравственный и эстетический скандал; связь пушкинской переписки и конструируемой поэтом романтической роли; «пропущенная роль», то есть неучастие Пушкина в восстании декабристов, и поэма «Граф Нулин» как возможная поэтическая репрезентация этого неучастия; наконец, излюбленная тема писательских культов — последнее произведение. «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» — предположительно последний законченный текст поэта, который можно прочесть как речь Пушкина в свою защиту. Глава «Памятник» знакомит читателя с историей установки первого памятника Пушкину, а также содержит краткое изложение концепции Маркуса Ч. Левитта о роли этой инициативы в формировании российской интеллигенции как группы.⁴ Глава «Народ» посвящена дискуссии, в рамках которой культ, превращающийся в институт, предстает как конфликтное социальное поле.

⁴ См.: Левитт М. Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / Пер. с англ. И. Н. Владимирова, М. Б. Кутеевой, В. Д. Рака. СПб., 1994.

Следующий, второй раздел — «Пушкин в лице: народная поэзия и литературная репутация» — тематически несколько выбивается из общего течения мысли, поскольку, выделяя в творчестве Пушкина три периода, «вызывающих особый интерес с точки зрения исследований народной поэзии»,⁵ — лицейский, петербургский (после Лицея) и период южной ссылки, — автор затем подробно рассматривает только лицейский период и включает в раздел исследование (крайне интересное, однако выполняющее скорее роль «вставки») о бытовании народной украинской песни «Ехав казак за Дунай» в творчестве Пушкина и его современников. Само по себе обращение автора к песенной традиции в рамках исследования литературного культа не вызывает вопросов, более того, в разделе, посвященном фольклоризации памяти, находим упоминания о стихотворениях Пушкина, положенных на музыку и ставших частью популярной музыкальной традиции. Тем не менее данный раздел словно бы обрывает мысль, так и не познакомив читателя с двумя другими обозначенными в его начале периодами. В следующем разделе — «Литературно-исторические анекдоты о Пушкине» — мы как бы «возвращаемся» к магистральной теме монографии.

Указанный раздел посвящен литературным анекдотам — начиная с бытовавших еще при жизни Пушкина и зафиксированных в текстах современников поэта. Автор последовательно обращается к образам Пушкина в стихотворных некрологах и плачах XIX века, останавливаясь на специфике жанра некролога в российской прессе первой половины XIX века и подчеркивая важность этих текстов как свидетельств слияния личного и социального горя, преобразования индивидуальной боли в групповую, «одновременности коллективного и индивидуального траура», что параллельно приближает фигуру поэта и к образу святого, и к образу живого человека.⁶

В разделе «Городские анекдоты о Пушкине в русских, латышских и польских источниках» Калавски анализирует целый спектр анекдотов о Пушкине: от литературных — гоголевских в «Ревизоре» и «Арабесках» — до городского фольклора. Отдельная глава посвящена в этом разделе опубликованному уже в XX веке Белосовым сарапульскому собранию Николая Ончукова.

В разделе «Московские легенды о Пушкине в 1920-е годы» автор исследует жанры и формы трех корпусов текстов локального характера, относящихся к двадцатым годам XX века, а также обстоятельства их возникновения. Этнографическое исследование Евгения Баранова, записавшего московские легенды («Московские

⁵ Kalavszky Z. A totális Puskin. S. 90.

⁶ См.: Ibid. S. 135.

легенды о Пушкине»), этнографический материал, собранный Василием Чернышовым («Пушкинский уголок», его быт и предания»), а также корпус текстов, зафиксированных в ходе педагогического эксперимента, проведенного Адрианом Топоровым в алтайской коммуне («Крестьяне о писателях»), — три эти источника Калавски использует для изучения прямого и косвенного воздействия государственного культа как инструмента «информационного давления» (Александр Панченко), а также для выявления мифологизирующих формул и социально-исторических контекстов в их взаимосвязи.

Следующий, седьмой раздел — «Множественность памяти о Пушкине» — открывается обзором и анализом концепции культурной памяти у Лотмана, которую автор расширяет и дополняет, апеллируя к фигуре Пушкина, в главе «Память, сформированная посредством вариаций, адаптаций и репликаций». Если открытие памятника в 1880 году, торжества 1899 года (проходившие в царской России) или столетняя годовщина смерти Пушкина в сталинском 1937 году легко поддаются интерпретации в силу простоты определения периода изучаемого события, очевидности, доступности и единообразия типов источников (большая их часть представляют собой печатные материалы, предметы и кинохронику, связанные с учреждениями), то изучение вопроса о «Пушкине как объекте культа» в 1910—1920-е годы требует гораздо более тонко настроенной исследовательской оптики, более сложных методов исследования, а также сопоставления и выявления «неочевидных» источников. Именно поэтому здесь предпринята попытка сформулировать точку зрения, которая бы учитывала социальную, политическую и культурную неоднородность и исходила из малых масштабов.

Последние главы монографии посвящены произведениям *беллетристической пушкинианы*, рассматриваемые через призму институционализированного культа, то есть тематической рамкой интерпретации для них является сам культ. Автор постулирует, что семантическая сложность текстов, относящихся к корпусу беллетристической пушкинианы, — в особенности фельетонов о Пушкине Михаила Зощенко, а также анекдотов и рассказов о Пушкине Даниила Хармса, — обнаруживается именно в том, что подходы, предлагаемые в рамках исследования культа, то есть вопросы, считающиеся выходящими за рамки узко понимаемой науки о литературе, в ходе анализа могут смыкаться с вопросами, традиционно относящимися к литературе.

Через произведения Зощенко и Хармса, а также через мероприятия культурной политики по ликвидации сатирических изданий и вытеснению иронии и юмора Калавски показывает, насколько ра-

дикальные изменения привнес сталинский юбилей Пушкина 1937 года в формирование и бытование жанра фельетона. Сравнительный анализ юбилейного пушкинского номера журнала «Бегемот» за 1927 год, где объектом юмора стали невежество, ограниченность и незнание Пушкина со стороны советской мелкой буржуазии, и юбилейного же номера газеты «Крокодил», вышедшего десятью годами позже, позволяет увидеть, до какой степени разговор о культе Пушкина, или же метакульт как высказывание, мог в тридцатые годы превратиться в инструмент цензуры. Впервые в специальной литературе предпринимается попытка проанализировать фельетоны Зощенко «В пушкинские дни» в их изначальном окружении, непосредственно в контексте данного номера журнала.

Предназначенные для детей тексты о Пушкине Даниила Хармса, а также его знаменитые анекдоты содержат многочисленные отсылки к литературным и культурно-историческим предшественникам из XIX века и в то же время глубоко и органично вписаны в советскую культурную, литературную и социальную обстановку 1930-х годов — и в равной степени неотделимы от поэтики, художественной философии и мировоззрения самого Хармса. Жофия Калавски справедливо полагает, что комплексное применение культурно-жанрово-исторического, поэтического, нарратологического и литературно-социологического подходов не только расширяет возможности интерпретации текста Хармса, но и дает шанс поговорить о переходном периоде двадцатых и тридцатых годов, о пушкинском культе в том виде, в каком он существовал в среде научной элиты, о политическом культе Пушкина в советизирующемся обществе, которое уже не является русским, но еще не полностью унифицировано.

«Тотальный Пушкин» Жофии Калавски, на наш взгляд, представляет собой удачное сочетание серьезного научного исследования, демонстрирующего знакомство автора с обширнейшей литературой по теме и оригинальные трактовки явлений культуры с учетом современных тенденций, и увлекательного интеллектуального путешествия, способного расширить представления о Пушкине не только для академического исследователя, но и для широкого читателя, не обязательно «выросшего» на русской литературе. При этом нельзя не признать, что для венгерской публики творчество Пушкина по-прежнему является неотъемлемой и важной составляющей европейской и мировой культуры.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 40

Санкт-Петербург
2026

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Ответственный редактор
А. Ю. БАЛАКИН

© Авторы статей, 2026
© Пушкинская комиссия РАН, 2026